

ТРУД

Выходит с 19 февраля 1921 года

№№ 19—20 (21544)

ЖИЗНЬ В ГОРОДСКОМ ПЕЙЗАЖЕ

Почему она отрицательно влияет на психику человека?

С этого вопроса наш корреспондент начала беседу с доктором биологических наук Н. ВОРОНЦОВЫМ.

— Безусловно, экология и социальная напряженность связаны совершенно определенным образом. Тут есть два фактора. Первый: для человека, как для любого живого организма, существуют некие оптимальные условия плотности населения. И в условиях сверхплотности у человека растет агрессивность. Это хорошо известно. Кто будет спорить, что человек не должен ездить в забитой электричке, в переполненном автобусе, троллейбусе? А на это еще накладывается наш климат — в теплой одежде мы занимаем много места. Вещи очевидные. Но у нас очень мало в этой области ведется исследований. На Западе, например, существует целый ряд руководств по общению с людьми. Вот, скажем, на каком расстоянии люди должны разговаривать друг с другом? Дистанция не должна быть слишком большой и слишком малой. Короткая подразумевает какую-то излишнюю интимность в отношениях, или сразу вызывает некоторую реакцию отталкивания, желание увеличить дистанцию.

Второе. Всякое отравление во многих случаях подавляет не только иммунные свойства человека, но вызывает и психологические реакции. Критическое состояние атмосферы городов, отравленные отходами промышленных предприятий водоемы и почва — все это влияет не только на физическое здоровье человека, но воздействует и на его психику.

Если мы пройдемся по местам наших межнациональных и социальных конфликтов, то, например, Фергана, Сумгаит, не говоря уже о Кузбассе, — это регионы с высочайшей степенью отравленности атмосферы. И

сильно загрязненных городов пока что не было таких конфликтов в Харькове. Не призываю — упаси боже. Речь о том, что если взять список наиболее загрязненных городов и посмотреть, сколько там возникает самых разных столкновений, каков уровень преступности — зависимость очевидна. Но серьезные проблемы социальной психологии, социальной физиологии у нас, насколько мне известно, никто не занимается.

— В цивилизованных странах это давно поняли. Там люди стремятся жить за городом...

— Мы тоже должны принципиально изменить структуру жилых зон и отказаться от идеологии, доминирующей сегодня: плохая квартира в большом городе и дача «на курьих ножках» за городом. Думаю, что немало горожан предпочли бы иметь хороший загородный коттедж, а городскую квартиру сдать. Сдать, продать — не берусь говорить об экономической стороне дела.

Известно, что зачастую те же москвичи тратят на дорогу до работы из одного конца Москвы в другой больше часа. Если же дать человеку возможность поселиться в пределах 40-километровой зоны и с того края города, который ближе к работе, то многие, уверен, предпочтут жить за городом. Но для этого не нужно строить там такие же многоэтажки, как в Москве. Глупо превращать уютные маленькие города в некие изуродованные окраины мегаполиса.

— А жители предместьев — что они выиграют?

— Когда наконец отменят институт прописки, исчезнет деление людей на первый и второй сорт. Ведь кое-где доходило до

смешного: с талонами области нельзя было стовариться в области города. Это же ущемление прав. И если человеку удобно иметь медицинское обслуживание по месту работы, в городе, то его областная прописка никак не должна этому препятствовать.

Надо учитывать мировой опыт. А из него следует, что и в центрах мегаполисов, конечно же, останутся жители. Речь ведь не о том, чтобы превратить центр только в собрание офисов или каких-то организаций, а людей переселить за город. Художник-урбанист, скажем, хочет иметь мастерскую в городе, а пейзажист стремится ближе к природе — у них должна быть такая возможность. И это касается абсолютно всех.

— Но как же сделать, Николай Николаевич, чтобы все, о чем вы говорите, стало реальным?

— Поскольку министерство природопользования и охраны окружающей среды СССР, как и другие, упразднено и министр теперь я бывший, то могу высказать свою позицию лишь как специалист. Убежден, что мы должны срочно пересмотреть вопрос, связанный с экологической экспертизой строительства в городской и сельской местности. Двухэтажные коттеджи — вот идеология пригорода. Причем они могут быть самыми разнообразными, в зависимости от средств и свободных земельных участков. В одном случае — это блокированная цепочка коттеджей с крошечным участком, в другом — отдельные дома с большими приусадебными участками. Определить все это — задача экологической экспертизы.

— Кроме экспертизы, есть у нас в больших городах какие-то специальные экологические службы, НИИ, изучающие проблемы экологии мегаполиса?

— Нет. Есть только специалисты, связанные с зеленым строительством, в проектных институтах, в Гипросельхозстрое... Но сказать, что у нас существует единый центр, изучающий проблемы экологии большого города, к сожалению, нельзя. Я думаю, пройдет, наверно, несколько лет, и власти в городах поймут необходимость создания специальных институтов экологии.

— Способна ли общественность радикально влиять на улучшение экологического состояния города? Или все mighty зеленые пикеты, патрули мало чего стоят?

— Я бы сказал, что мы как-то пренебрежительно относимся к общественности. К сожалению, во многих случаях она просто не располагает нужной информацией. Планируется, допустим, в каком-то городе строительство нового объекта, но об этом никто не считает нужным информировать даже местных депутатов, не говоря уже о жителях.

Вот конкретный факт. Недавно я ездил в свой избирательный округ — Кунцевский район. Там есть прекрасное место — пойма реки Сетуни, где мог бы быть замечательный зеленый массив. А сейчас вовсю идет наступление Москвы: вырубаются деревья, отхватываются участки поймы, ведется строительство какой-то автомагистрали. Мало того, трасса эта прокладывается рядом с физико-математической школой для особо одаренных детей, интернатом для больных детей, другой школой... И все это — по распоряжению Моссовета.

Считаю, что было бы разумно сообщать о новых проектах и планах в городских или районных газетах. Причем не тогда, когда в проект уже вложены огромные средства, а когда он еще в эскизе. Здесь участие общественности было бы эффективным.

Сейчас мы ругаем «хрущобы», в том числе и за бессистемное озеленение. Но вспомните, как это происходило. Привозили саженцы, люди брали лопаты и сажали — кто где как может. Плохо это? Конечно, было бы лучше, если бы все делалось по плану, под руководством специалистов. И тем не менее благодаря этому хаотичному общественному движению во многих районах создан нормальный микроклимат.

Сегодня у нас по-другому. Построены многоэтажные дома, около них годами грязь, зелени никакой — все ждем, что кто-то это сделает...

— В Декларации прав и свобод граждан есть право на экологическую защиту. Как оно может быть реализовано?

— Очень просто. Человек может подать в суд, если его права кем-то ущемляются. Другое дело, что у нас пока нет подобной судебной практики. Она должна нарабатываться годами.

— В каком же случае следует обратиться в суд?

— Допустим, у вас под окном автобаза, работают двигатели. Вы вызываете санитарную станцию. Она замеряет уровень загазованности, шума, дает справку. Предоставив ее в суд, вы можете ставить вопрос о материальном ущербе, о переселении, о запрещении и т. д. Вариантов много. Из опыта своего района приведу пример. Построено было три жилых дома. А потом под ними провели близко к поверхности линию метро. Началась сильная вибрация. Сейчас вопрос об отселении жильцов из этих домов решен. Причем даже без суда. Кто виноват? Метрополитен, который при проектировании не учел интересов жителей этого района. Значит, ему и оплачивать все расходы.

— Но ведь и раньше предпринятия, нарушавшие, скажем, санитарные нормы, штрафовались. В чем же разница?

— Раньше было так. Природоохранные ведомства предъявляли иск предприятию, и штраф шел в бюджет государства или города. А право гражданина на экологическую защиту дает возможность жильцу конкретной квартиры, дома, района подать в суд на конкретную организацию о возмещении материального ущерба ему лично, а не в некий общий бюджет.

Беседу вел
О. СОЛОМОНОВА.
МОСКВА.